

УБИТЬ ПЕРЕСМЕШНИКА

Харпер Ли

АДАПТАЦИЯ И ИЛЛЮСТРАЦИИ
ФРЕДА ФОРДЭМА

ГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)
Л55

Harper Lee
TO KILL A MOCKINGBIRD

*Печатается с разрешения Andrew Nurnberg Associates
и литературного агентства Andrew Nurnberg*

Ли, Харпер.

Л55 Убить пересмешника : [графический роман] / Харпер Ли ; пер. с англ. Н. Галь, Р. Облонской. Литературная обработка Е. Мигуновой. – Москва: Издательство АСТ, 2019. – 288 с.

ISBN 978-5-17-112071-9

Штат Алабама, 1930-е годы, время Великой депрессии и расцвет расовой нетерпимости на юге Америки. Адвокат Аттикус Финч защищает чернокожего, обвинённого в преступлении, которого он не совершал. А ещё это история о том, как двое его детей, которых он растит в одиночку, делают первые шаги из мира фантазий во взрослый мир и на собственном опыте узнают, что такое благородство, сострадание и справедливость.

Создавая графический роман «Убить пересмешника», художник Фред Фордэм не стремился заново переписать роман Харпер Ли, напротив — в своих иллюстрациях он сохранил дух оригинального произведения, ставшего культовым для нескольких поколений.

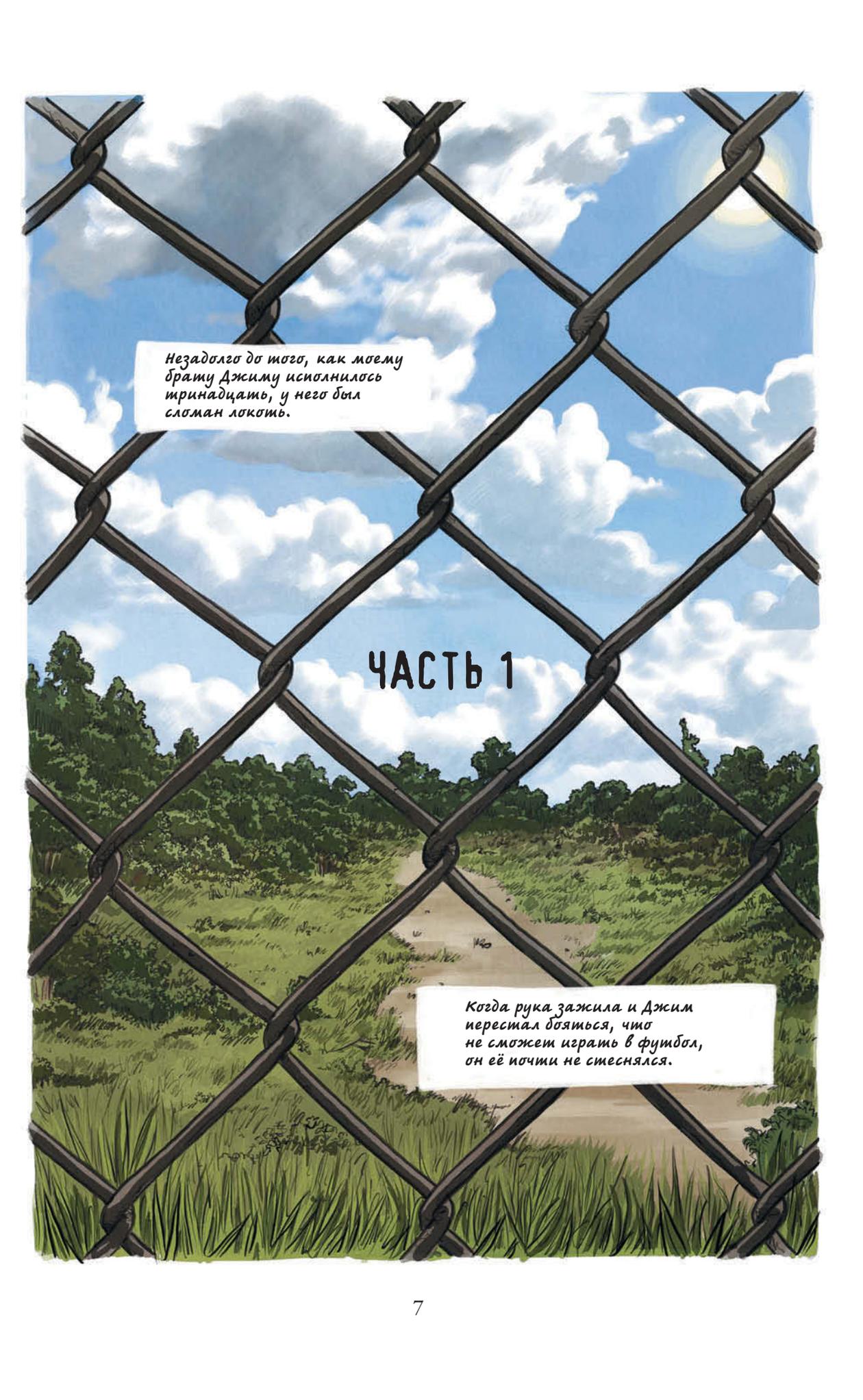
УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-112071-9

Original text © Harper Lee LLC 1960
Illustrations and adaption of text © Fred Fordham 2018
© Н. Галь, Р. Облонская, наследники, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

«Юристы, наверно, тоже когда-то были детьми»
- ЧАРЛЗ ЛЭМ

Незадолго до того, как моему брату Джиму исполнилось тринадцать, у него был сломан локоть.

ЧАСТЬ 1

Когда рука зажила и Джим перестал бояться, что не сможет играть в футбол, он её почти не стеснялся.

Мейкомб, Алабама
1933 год

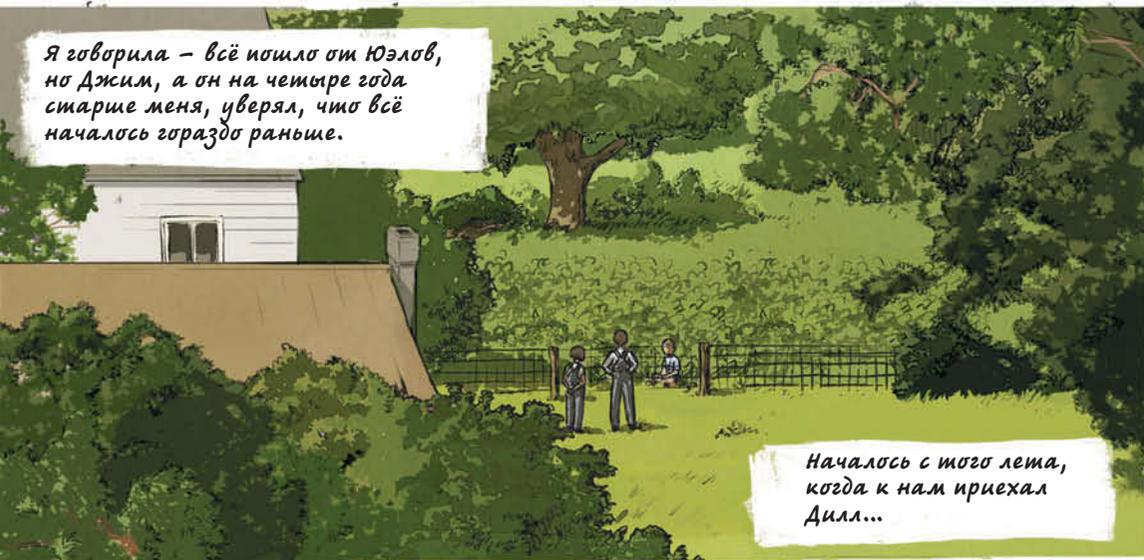
Левая рука стала немного короче
правой; когда Джим стоял или ходил,
ладонь была повернута к боку ребром.

Но ему это было всё равно,
лишь бы не мешало бегать
и гонять мяч.

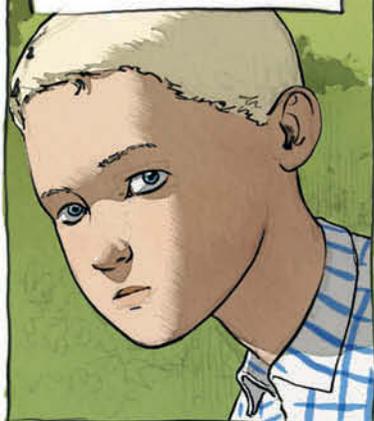
Через несколько лет, когда всё это было
уже дело прошлое, мы иной раз спорили
о событиях, которые к этому привели.

Я говорила – всё пошло от Юэлов,
но Джим, а он на четыре года
старше меня, уверял, что всё
началось гораздо раньше.

Началось с того лета,
когда к нам приехал
Дилл...

...когда Дилл первым придумал выманить из дому Страшила Рэдли.

Привет!

Привет.

Я Чарлз Бейкер Харрис.

Я умею читать.

Ну и что?

Я думал, может, вам интересно, что я умею читать.

Может, вам надо чего прочесть, так я могу.

Тебе сколько? Четыре с половиной?

Скоро семь.

Распорядок был такой: мы перестраивали деревянный домик у нас на задворках...

...ссорились...

...разыгрывали в лицах подряд все сочинения Оливера Оптика, Виктора Эйлтона и Эдгара Райса Бэрроуза.

Тут Дилл оказался просто кладом. Он играл все характерные роли, которые раньше доставались мне: обезьяну в «Тарзане», мистера Крэбтри в «Братьях Рувер», мистера Деймона в «Томе Свифте».

А потом мы поняли, Дилл немножко колдун, вроде Мерлина, — мастер на неожиданные выдумки, невероятные затеи и странные фантазии.

Но к концу августа нам надоело разыгрывать одни и те же спектакли...

...и тут Дилл надумал выманить из дому Страшила Рэдди.

Дом Рэдли заворожил Дилла.

Сколько мы его ни предостерегали, этот дом притягивал его, как луна море.

Но только до фонарного столба на углу, на безопасном расстоянии от ворот Рэдли.

В этом доме обитал злой дух.

Так все говорили, но мы с Джимом никогда его не видели.

Говорили, он выходит по ночам, когда нет луны, и заглядывает в чужие окна.

Если вдруг похолодает и у кого-нибудь в саду помёрзнут азалии, значит, это он на них дохнул.

Как-то на город постигались непонятные и страшные ночные происшествия: кур, кошек и собак находили поутру жестоко искалеченными; и хотя виновником оказался идиотский Эдди, который потом топился в Заводи, все по-прежнему косились на дом Рэдли, не желая отказываться от первоначальных подозрений.

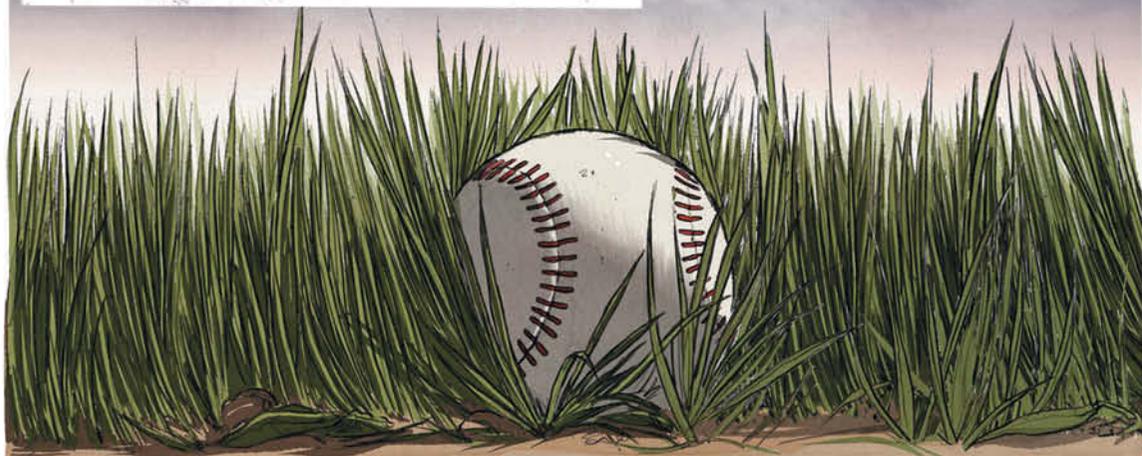
Ни один негр не решался ночью пройти мимо этого дома – уж непременно перейдёт на другой тротуар и начнёт насвистывать для храбрости.

Площадка для игр при мейкомбской школе примыкала к задворкам Рэдли; возле курятника у Рэдли росли высоченные пекановые деревья, и спелые орехи сыпались с ветвей на школьный двор, но никто к ним не призраживался: орехи Рэдли ядовитые!

Бейсбольный мяч, залетевший к Рэдли, пропал безвозвратно, о нём никто и не заикался.

Тайна окутала этот дом задолго до того, как родились мы с Джимом. Перед семейством Рэдли были открыты все двери в городе, но оно держалось очень замкнуто – грех в Мейкомбе непрощительный.

Рассказывали, когда младший сын Рэдли был подростком, он свёл дружбу с Канингемами из Старого Сарэма – многочисленным и загадочным племенем, обитавшим на севере нашего округа, и впервые за всю историю Мейкомба они склосили что-то вроде шайки.

Однажды вечером, разойдясь больше обычного, мальчишки прикатили на главную площадь на взятом у кого-то взаймы дрянном «фордику», оказали сопротивление почтенному церковному старосте мистеру Коннеру и заперли его во флигеле для присяжных во дворе суда.

Мальчишки предстали перед судом по обвинению в хулиганстве, нарушении общественной тишины и порядка, оскорблении действием и сквернословии в присутствии женщин. Судья спросил мистера Коннера, откуда это последнее обвинение, и мистер Коннер сказал, что...

...они ругались так громко, что их наверняка слышали все женщины во всём Мейкомбе.

Судья решил отправить мальчишек в ремесленную школу штата, куда иной раз посылали подростков, просто чтобы у них был кусок хлеба и крыша над головой. Это была не тюрьма, и это не считалось позором.

Но мистер Рэдли думал иначе.

Если судья отпустит Артура, мистер Рэдли уж позаботится, чтоб Артур больше не доставлял хлопот. Зная, что у мистера Рэдли слово не расходится с делом, судья охотно отдал ему сына.

Другие мальчишки поступили в ремесленную школу и получили лучшее среднее образование, какое только можно получить в пределах нашего штата.

Двери дома Рэдли закрылись наглухо, и пятнадцать лет никто больше не видал младшего сына мистера Рэдли.

Когда мистер Рэдли отправился на тот свет, мы все думали, что Страшила выйдет на свет Божий.

Но место отца занял старший брат Страшилы Наман.

Интересно, что он там делает.

Вот возьмёт сейчас и высунется из-за двери.

Он по ночам выходит, когда темно. Мисс Стивени Кроуфорд говорит, раз она проснулась среди ночи, а он смотрит на неё в окошко.

Говорит, он похож на мертвеца, голова точь-в-точь как череп.

Я сам утром сколько раз видел у нас на задворках его следы.

Вот бы взглянуть, какой он.

Ростом он, судя по следам, футов шесть с половиной.

А ест он сырых белок и всех кошек, какие попадутся. Поэтому руки у него всегда в крови: кто ест животных сырыми, тому век не отмыть рук.

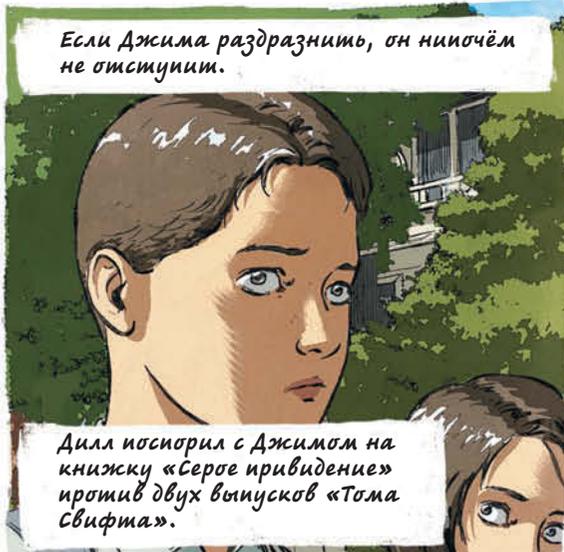
Зубы у него жёлтые, гнилые, а сам он пучеглазый и слюнявый. И через всё лицо длинный шрам.

Давайте выманит его из дому.

Если тебе жизнь надоела, пооди и постуци к ним в парадную дверь, только и всего.

А тебе слабо. Спорим, ты к ним в ворота не посмеешь сунуться.

Если Джима раздражить, он нипочём не отступит.

Дилл поспорил с Джимом на книжку «Серое привидение» против двух выпусков «Тома Свифта».

Я обязан помнить о своей младшей сестре. Если он меня убьёт, что с ней будет?

Что, слабо тебе? Хочешь на испянную? Тогда, конечно...

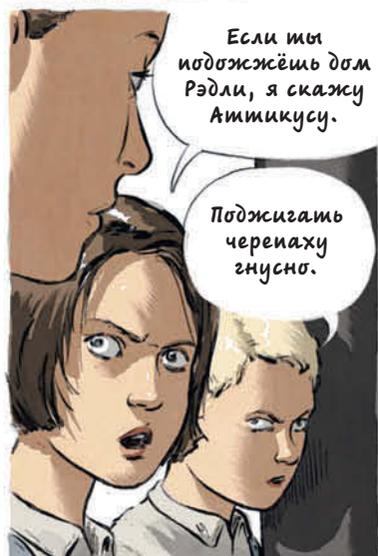
Дилл, такие вещи надо делать подумавши. Дай минуту подумать...

Это всё равно как заставить черепаху высунуть голову...

Как это?

Зажечь у неё под пузом спичку.

Если ты подожжёшь дом Рэдди, я скажу Аттикусу.

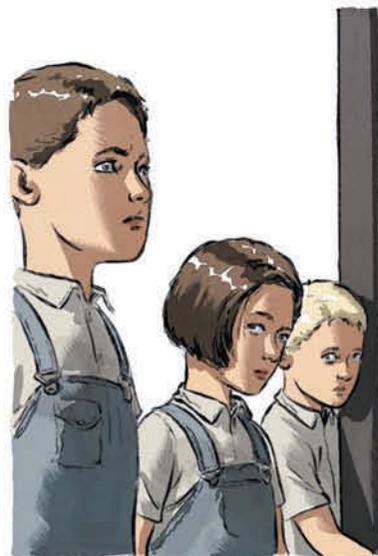
Поджигать черепаху гнусно.

Дурак, черепахи ничего не чувствуют.

А ты что, сам был черепахой?

Ну знаешь, Дилл!.. Не мешай, дай подумать...

Дилл пошел на уступки:

Ладно, не слабо, ты только подойди к дому, дотронься рукой — и «Серге привидение» твоё.

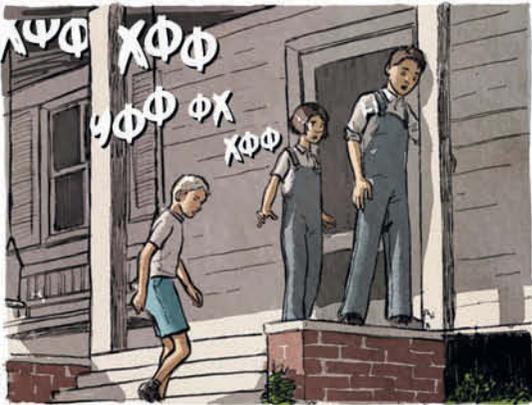
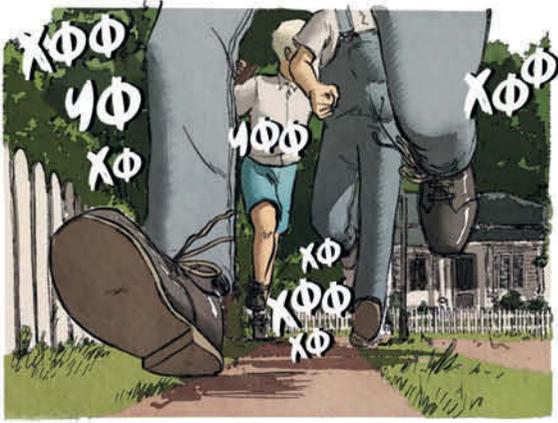

Дотронусь — и всё?

Значит, всё? Смотри, а ты дотронусь, а ты сразу станешь орать — не по правилам!

Говорят тебе, это всё.

Когда мы удирали, нам показалось, что в одном окне шевельнулась штора.

Мы южане, и, признаться, кое-кто в нашей семье стыдится, что ни один наш предок не сражался при Гастингсе.

Наша родословная начинается с Саймона Финча, лекаря из Корнуэла. Он промышлял охотой, был очень надоевший, а главное, жуткий скряга.

Он пустился в дальний путь – через Атлантику в Филадельфию, отсюда в Ямайку, отсюда в Мобил и дальше в Сент-Стивенс.

Забыв наставление своего учителя о тех, кто владеет людьми как орудиями, Саймон купил трёх рабов и с их помощью построил ферму на берегу Алабамы.

Семейная традиция работать на земле нарушилась лишь в XX веке: мой отец, Аттикус Финч, поехал в Монтегомери изучать право, а его младший брат поехал в Бостон изучать медицину. На «Пристанях Финча» осталась одна только их сестра Александра.

Наш дом стоял на главной улице жилой части города. Нас было четверо – Аттикус, Джим, я и наша кухарка Кэлиурния.

Она жила у нас с тех пор, как родился Джим, и, сколько себя помню, я всегда ощущала гнёт её власти.

Мама умерла, когда мне было два года, так что я по ней не скучала, но Джим, наверно, скучал.

Он хорошо помнил маму и иногда посреди игры вдруг длинно вздыхал, уходил за гараж и играл там один.

В начале сентября Дилл уехал к себе в Меридиан.

Я ужасно скучала, но потом сообразила – через неделю мне в школу!

Зимой я часами просиживала в нашем домике на платане, глядела на школьный двор, подсматривала за школьниками в бинокль Джима...

...изучила все их игры, втайне делила все их радости и неудачи.

И ужасно хотела быть с ними вместе.

В первый день Джим снизошёл до того, что сам отвёл меня в школу.

Он растолковал мне, чтоб в школе я к нему не приставала, не докучала намёками на его личную жизнь и не ходила за ним хвостом в переменки.

Что ж, нам с тобой больше нельзя играть вместе?

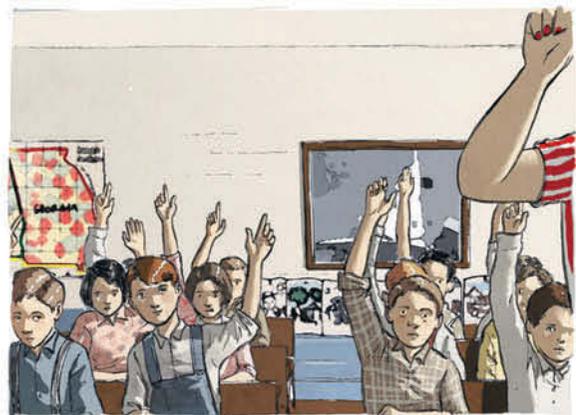
Дама мы будем жить, как жили.

Только сама увидишь, школа тебе не дом.

Так оно и оказалось.

Я никогда не училась читать нарочно, просто как-то вышло, что я каждый день без спроса рылась в газетах.

Уж не знаю, когда строчки над пальцем Аттикуса стали делиться на слова, но, сколько себя помню, я каждый вечер смотрела на них и слушала последние новости, проекты новых законов, дневники Лоренцо Дау – всё, что читал Аттикус, когда я перед сном забиралась к нему на колени.

Пока я не испугалась, что мне это запретят, я вовсе не любила читать. Дышать ведь не любишь...

Джин-Луиза!

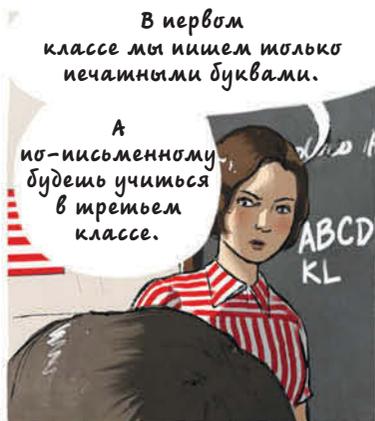

Да, мисс Кэрролайн?

Что это?

Это – это письмо, мисс Кэрролайн. Моему другу Диллу.

Скажи отцу, чтоб перестал тебя учить, Джин-Луиза!

В первом классе мы лишьем только печатными буквами.

А по-письменному будешь учиться в третьем классе.

Тут виновата была Кэллиурния. Наверно, если б не уроки письма, в ненастную погоду ей бы от меня житья не было.

Никакого завтрака он не забывал, у него и не было завтрака. Сегодня нет, и завтра не будет, и послезавтра.

